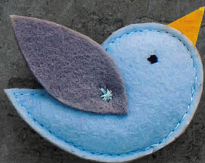

Б Е Р А
Калачкава

Три жизни
жаворонка

Вера Александровна Колочкова
Три жизни жаворонка
Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42352856

Три жизни жаворонка : роман / Вера Колочкова: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-106812-7

Аннотация

Насте Жаворонковой было 16, когда она узнала, что беременна. Отец ребенка, ее первая любовь, сбежал от ответственности, оставив девушку с разбитым сердцем. Растить ребенка вдвоем с пожилой мамой тяжело, и когда на пути Насти возникает обеспеченный мужчина, готовый жениться, все вокруг решают, что это подарок судьбы. Но может ли материальное благополучие заменить женское счастье?

Вера Колочкова

Три жизни жаворонка

Светит солнце, воздух тонок.
Разыгралася весна,
Вьется в небе жаворонок —
Грудь восторгами полна!

Житель мира – мира чуждый,
Затерявшийся вдали, —
Он забыл, ему нет нужды,
Что творится на земли...

(С. Е. Раич «Жаворонок»)

Ей снилось счастье. Не картинки, не образы, которые обычно приходят во сне, а ощущение счастья. Просто ощущение. Просто чувство. А может, оно и не снилось, а давно жило в ней, заполнило ее всю, перекликалось с утренним пением птиц и нежным лучом солнца, огладившим щеку. А еще перекликалось с запахами мальвы, бурно растущей под окном, и чего-то съестного, сытного и ужасно аппетитного. Наверное, мама к завтраку блинчики с творогом затеяла. Даже проснуться захотелось. Но еще больше хотелось, чтобы сон все-таки не кончился...

– Настена, вставай! Завтрак готов! – ворвался в сон буд-

нично сердитый голос мамы. – Сколько можно спать? Вставай!

Ну вот... Мама испортила все. Счастье испугалось и замерло внутри. Или совсем упорхнуло. Хотя чего бы ему вдруг совсем упорхнуть? Нет, оно живет в ней, хоть и съжилось до поры до времени. По крайней мере, до вечера. Вечером она снова увидит Никиту...

– Настя, ты встала? Не слышу?

Да что ж такое... Что за порядки у них в доме – обязательно всей семьей к завтраку собираться? Можно ведь и потом... После... Когда мама с папой на работу уйдут... Дисциплина, как в армии! Подъем, завтрак по расписанию!

– Я встала, мам... Ну, то есть почти встала...

– Что значит – почти? Не серди меня с утра, Настена, быстро вставай, умывайся и выходи к завтраку! Тем более у меня вопросы к тебе есть, ответить придется!

Вопросы, вопросы... Знаем мы эти вопросы. Где была, почему поздно пришла, а еще вспомни, сколько тебе лет... Как будто она может забыть, сколько ей лет! Ну, шестнадцать, и что? Разве человек в свои шестнадцать не имеет права быть счастливым? Тем более если человеку скоро семнадцать должно исполниться? Хотя маме все равно ничего не объяснишь и ничего не докажешь... Лучше слушать и во всем соглашаться. Молча. Чтобы счастье не вспугнуть.

Когда Настя вошла на кухню, мама с отцом уже сидели за столом. Мама пила крепкий кофе, отец – зеленый чай: ему

кофе нельзя, сердце слабое. Мама не разрешает.

– Ну, наконец-то изволила... – ворчливо проговорила мама. – Садись, завтракай... Что будешь, чай или кофе?

– Кофе хочу...

– Тогда в кофе молока налей, черный не пей. Для желудка вредно. Вот тут блинчики с малиной, а тут с творогом... Ешь давай...

– Доброе утро, Жаворонок! – ласково приветствовал ее отец и тут же добавил насмешливо: – Хотя какой ты жаворонок, фамилию не оправдываешь... Ты скорее сова, чем жаворонок! Уж больно спать горазда!

– Так я ж себе фамилию не выбирала, пап... И погонялку мне в школе только из-за фамилии дали! Если Жаворонкова, значит, Жаворонок, и точка! Никого не волнует, в котором часу я просыпаться должна!

– Ну, не скажи, не скажи... Зачем зря на себя клеветешь? Я-то знаю, что ты у меня настоящий Жаворонок! Не только из-за фамилии...

– Хм... А что значит – настоящий?

– А то и значит... Жаворонок, он же вверх летит, к раннему утреннему солнышку, земли под собой не чует. И песню поет... Это ж особое свойство души – быть жаворонком, не каждому дано... Чтобы песню петь и вверх лететь, в небо...

– А я, значит, лечу и пою?

– Да, ты летишь и поешь. Душа у тебя такая, Настена. Поющая.

– Это я в тебя такая, пап...

– Ну, завели свою песню! Слушать невозможно, – тихо проговорила мама, быстро взглянув на часы на стене. – Прямо с утра в романтику ударились, что отец, что дочь... И как вам, бедным, тяжело со мной живет, с такой приземленной, а? Может, вас пожалеть надо?

Отец ничего не ответил, только плечами пожал, уткнулся носом в свою чашку. А маме только того и надо – понеслась с недовольством, не удержаться:

– Ты бы лучше спросил, в котором часу твоя доченька домой опять заявила! Говорю ей, говорю, все без толку... Еще молоко на губах не обсохло, а на уме одни ночные гуляния!

– И вовсе не ночные... – тихо проговорила Настя, чем только подстегнула маму к еще большему недовольству.

– А какие, по-твоему? Ты думаешь, я сплю и ничего не слышу, да? Ты ж опять во втором часу ночи пришла! Сколько это безобразие будет еще продолжаться, Анастасия? Хочешь, чтобы я на крайние меры пошла?

– Мам, ну зачем ты...

– А затем! Как еще с тобой поступать, если ты сама ничего не понимаешь? Или тебе надо объяснять, чем могут закончиться твои ночные гуляния? В подоле нам с отцом принести хочешь?

– Ирина, прекрати... – быстро вскинул на маму сердитые глаза отец. – Не надо с ней в таком тоне разговаривать, слы-

шишь?

– Как считаю нужным, так и буду разговаривать! Она моя дочь, в конце концов! Если ты ничего не замечаешь, то у меня, слава богу, нормальная голова на плечах имеется! И я рассуждаю здраво! И говорю то, что думаю, без романтических экивоков!

– Да я совсем не против твоего здравомыслия, Ирин... Я просто хочу сказать, что нельзя в таком уничижительном тоне разговаривать...

– Как умею, так и разговариваю! И еще раз могу повторить – этим ночным гуляниям надо положить конец! И не спорь со мной, Егор!

– Да разве с тобой поспоришь... Себе дороже...

Настя вздохнула, подумав про себя, какие же они разные все-таки, мама с папой... И как только умудрились столько лет вместе прожить? Хотя говорят, милые бранятся – только тешатся? Но ведь бранится обычно мама, а папа молча выслушивает! И при этом как-то так получается, что мамина брань будто и не достает его вовсе... Он вообще по природе молчун. И очень добрый. И спокойный. И умный. А мама... Мама – огонь! Ей надо, чтобы последнее слово всегда за ней было! Причем это слово должно быть решительным и громким, хотя часто обстоятельства этого и не требуют. В общем, все, как у Онегина с Ленским – «Они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень»... И все бы ничего, и слава богу, что сошлись... Если не брать во внимание, ко-

нечно, чем там у Пушкина все это закончилось.

Нет, в общем и целом они замечательно живут, и в поселке их семью считают показательно образцовой. Дом хороший выстроили, двухэтажный. Сад вокруг дома, цветы. Папа бригадиром в леспромхозе работает, мама аптекой уже много лет заведует. Очень ее в поселке все уважают, потому как она любой совет может дать, какую болячку чем лечить. Фельдшер Тамара Филипповна часто шутит – хлеб у меня отбиваешь, Ирина Ивановна! Ты ж, мол, провизор, ты не можешь советы давать! Мама только усмехается понимающе – а что, мол, тебе еще остается говорить, если народ ко мне за советом тянется... Такой, стало быть, ты фельдшер, что провизору доверия больше.

– ...Настя, я с тобой разговариваю или нет? Опять в облаках витаешь, не слышишь, о чем тебя спрашивают? – во-рвался в ее тихие мысли мамин сердитый голос.

– Да, мам, прости... Я и впрямь задумалась... А о чем ты спросила?

– Я спросила тебя – даешь ли ты себе отчет, что с тобой сейчас происходит?

– А что со мной происходит, мам? Со мной все хорошо...

– Что значит – все хорошо? Да ты хоть понимаешь, что этот Никита просто развлекается с тобой от нечего делать? Ну что ты о нем знаешь вообще? Кроме того, что Никитой зовут?

– Я... Я все про него знаю, мам...

– И что же?

– Ну... Он студент...

– И где же он учится, очень интересно знать?

– Кажется, в политехническом... А может, в технологическом... Я точно не помню, мам.

– Ну вот! А говоришь, все знаешь!

– Но разве это так важно, где он учится? Я просто не запомнила, но он говорил...

– Понятно. А фамилию его хотя бы ты знаешь?

– Фамилию знаю! У него очень красивая фамилия, мам!

Я даже не поверила сначала...

– Ну? И какая же эта замечательная фамилия?

– Ветер... Он Никита Ветер... Красиво звучит, правда?

– Ну, не знаю... Если у него и характер такой, как фамилия... Ой, не нравится мне все это, ужас как не нравится! Похоже, ты совсем голову потеряла, Настена! А вот он, Ветер твой... Кто знает, что у него на уме... Ладно бы, в нашего какого парня влюбилась, я б и не возражала! А тут – Ветер... Какой с ветра спрос, и концов не найдешь, если что...

Мама вздохнула, с тоской посмотрела на отца, словно ждала, что он поддержит ее сомнения. Он и поддержал. Только в обратную сторону, то есть проговорил вполне уверенно, слегка хлопнув ладонью по столешнице:

– Да ладно тебе, мать! Что ты бежишь впереди паровоза, будто Настене замуж за этого Никиту выходить приспичило! Ну, случилась у нее первая любовь... Настоящая... Не нам с

тобой решать, кого ей любить, а кого нет! Пусть влюбляется на здоровье!

– Да как ты не понимаешь, Егор, господи... – снова вздохнула мама. – Ей же всего шестнадцать... Голова совсем дурная... Да мало ли что...

– Хм... А когда надо влюбляться, по-твоему? В сорок пять? Когда голова поумнеет?

– А если...

– А вот давай без «если»! Давай не будем заранее плохо думать о человеке! И вообще... Мне кажется, он хороший парень, этот Никита. Вишь, баклуши не бьет, работать подрядился на все каникулы, денюгу зашибает! Что, разве не так?

– Да так, пап, так... – опередила Настя маму с ответом. – Он мне говорил, что за учебу надо деньги вносить, а он у родителей брать не хочет...

– Ну! Я ж говорю, хороший парень! – благодарно глянул на нее отец и улыбнулся. – Да они там все молодцы, хорошая бригада подобралась, на совесть работают! Михалыч ими доволен... Думал, не успеют к сентябрю ремонт закончить... Но видать, все успевают. Директор недавно из отпуска приехал, Михалыч ему доложил...

– Ой, да твоего Михалыча вокруг пальца обвести – раз плюнуть! – небрежно махнула ладонью мама. – Такой же малохольный, как ты! Да что он понимает в строительстве, он же завхоз! Поди, директор долго на эту должность дурака

искал, чтобы воровать сподручнее было!

– Ирин... Ну а Михалыча-то за что ты не жалуешь? Что он тебе плохого сделал?

– Да ничего не сделал! Просто оба вы... Один другого стоите... Как засядете на берегу с удочками, да как языками зацепитесь... Не мужики, а философы доморощенные, ни дать ни взять! Часами без дела можете сидеть да ерунду всякую молоть...

– Мы не философы, Ирин. Мы созерцатели. Природа у нас такая. Что не мешает нам и другими земными делами хорошо заниматься.

– Ну-ну... Смотри, созерцатель, как бы мимо носа дочкино счастье не пролетело! А то послушаешь – все-то у тебя хорошо, все правильно... Из любого дерьма конфетку готов вылепить, ага! Принесет дочь в подоле – тоже за счастье почтешь, да?

– Ну хватит, Ирина... Хватит... Сколько можно уже...

Мама снова махнула рукой, вздохнула, замолчала. В повисшей тишине было слышно, как ветка яблони робко стучит в стекло, как соседка Полина Петровна громко зовет по имени внука Кирюшку, опять запропастившегося куда-то. Вот скрипнула калитка, и вскоре послышался осторожный стук в дверь. Мама проговорила громко, чуть обернувшись:

– Входите, открыто! Кто там?

– Это я, Ирина Ивановна, это я... – донесся из прихожей робкий женский голос. – Вы уж простите, что я к вам

домой заявила... Прибежала за лекарством, смотрю, аптека-то еще закрыта...

– Ну вы же знаете, Мария Никифоровна, что я с девяти часов открываюсь! А на часах еще без пятнадцати! – поднялась с места мама, с досадой отодвигая стул.

– Да я знаю, Ирина Ивановна, знаю... Но внук всю ночь температурил, вот я и не утерпела, прибежала...

Мария Никифоровна уже стояла в проеме кухни, робко оправляя на голове повязанный узелком назад платок. Улыбнулась сладко отцу и Насте, даже поклонилась слегка, проговорила почти заискивающе:

– Доброго вам утречка, Егор Андреич, Настена... Вы уж простите меня, что нарушила ваш покой... Шибко уж надо, внук сильно болеет... Простите...

– Пойдем, Мария Никифоровна, – решительно двинулась к выходу мама. – Какая у внука температура ночью была?

– Так я не меряла... Только шибко он был горячий... Я с вечера лекарство дала, и он уснул так хорошо... А ночью опять жаром подкосило, а лекарства-то больше и нету! Едва утра дождалась, да и к вам бежать...

Мария Никифоровна все кланялась, все тараторила подбострастно, пока мама в прихожей причесывалась и торопливо проводила по губам помадой. Потом они с отцом видели в окно, как она семенила сбоку от мамы и всплескивала руками, пока они шли по дорожке к калитке.

А мама шла к своей аптеке решительной поступью. Благо

что аптека была через дорогу. Мамино царство-государство, плацдарм бытия. Потому и участок под строительство дома здесь был в свое время куплен, чтобы тылы были рядом с плацдармом.

– Ну что, дочь... Влюбилась, значит... – задумчиво проговорил отец, помолчав. – Ты уж прости нас с мамой, что мы так бесцеремонно эту тему обсуждаем...

– Да ничего, пап. Я же все понимаю. Вы с мамой за меня волнуетесь.

– Да, именно так, волнуемся. Ты ж у нас одна, за кого нам еще волноваться? И вот что я хочу тебе сказать, Настена... Ты уж меня прости...

– Да ладно, пап! Чего ты все время извиняешься? Все равно у меня сейчас настроение такое... Такое... Меня вообще ничем обидеть нельзя!

– Да я понимаю, Жаворонок. Я все понимаю. А только, знаешь... Мама ведь в чем-то права. Надо быть осторожной. Надо иногда со своей высоты вниз оглядываться, чтобы землю из виду не потерять. Ты ведь такая, я знаю... Ты жаворонок, ты чувствами вверх летишь. На землю не смотришь. И сейчас тоже... Я вижу... Ты здесь и не здесь... Будь осторожна, доченька. Смотри крылышки не обожги. Это я к тому, чтобы ты... Ну, чтобы... Уф, как это сказать, не знаю...

Настя смотрела на отца, улыбалась. И в то же время жалко было его до ужаса – понятно ведь, что он пытается ей сказать. Пытается, но не может. Потому что понимает – что бы

не сказал, будет звучать немного пошло. Да и не надо ничего говорить, зачем?! Ведь все равно уже смысла не имеет... Потому что все у них с Никитой уже было. То самое и было, чего так боятся мама и папа и от чего пытаются ее предостеречь...

– Да не надо ничего говорить, пап. И вообще ты на работу из-за этих разговоров опоздал... Уже пять минут десятого, между прочим!

– Да? Ну, тогда ладно... Тогда я побежал... А ты давай домовничай. Цветы мамины не забудь полить... И это... Помидоры созревшие в теплице собери, ладно? И смородина вон опадает, жалко...

– Все сделаю, пап. Ты на обед придешь?

– Не знаю. Приду, наверное.

– Тогда я борщ сварю. Твой любимый.

– Спасибо, дочка. Ну все, я побежал...

Она смотрела, как отец быстро идет по дорожке к калитке, хлопывая себя по карманам рабочей куртки – не забыл ли чего. Как он сутулится немного. Вздохнула и решила про себя – не только борщ к обеду для него сварит, но еще и голубцов наделает. Папа так любит голубцы...

Потом ее мысли плавно перетекли в другое русло. В счастливое. Такое счастливое, что вздохнула и прикрыла глаза – скорее бы день заканчивался, что ли... Со всеми его заботами, помидорами со смородиной и борщами... И скорей бы вечер наступил, и скорей увидеть Никиту... Скорей, ско-

рей... Никогда, никогда раньше с ней такого не бывало, чтобы время вперед гнала! Наверное, это и есть настоящая любовь, когда день тянется часами, а вечер пролетает одной минутой!

Хотя раньше она искренне считала, что любит Сережку Филиппова. Они с первого класса вместе за одной партой сидели. А в восьмом классе Сережка признался, что любит ее. И она ему ответила вполне себе сердечно: да, мол, и я тебя тоже люблю! Вот дураки они оба были, ага... Теперь и вспомнить смешно. Правда, Сережке сейчас не до смеха – говорят, сильно переживает, что она ему от ворот поворот дала. Даже уехал из поселка, чтобы в другом месте переживать. Благо бабушка в гости позвала, он и уехал. А с другой стороны, должен же он понимать, что никакой любви не было, что это всего лишь детская дружба...

А с Никитой у нее любовь. Самая настоящая. Та, о которой в книгах пишут. Когда друг без друга и дня прожить невозможно. Когда все родительские страхи и предупреждения кажутся такими смешными... Не торопись, мол, доченька, остерегайся, доченька... Ну ведь и впрямь смешно, честное слово! Как будто любовь можно ограничить рамками родительских страхов! Да когда Никита ее обнимает, сердце вообще на искорки рассыпается и голова такой звонкой и счастливой становится, что самой страшно! Не от «страхов» страшно, а от избытка счастья! И внутри что-то происходит такое... Чего и словами не расскажешь, да и не надо расска-

зывать... Разве можно счастье передать словами? Лучше лететь вместе со счастьем в небо, как жаворонок. Вдвоем с Никитой – в небо...

Хотя и жаль, что рассказать нельзя. Жаль, что мама и папа ее все равно не услышат. Потому что не понимают ничего. Разве у них все так, разве они способны улететь в небо? Нет, конечно. Только и делают, что ворчат друг на друга...

Каким бы ни был день длинным, но и он подошел к концу. И на всякий случай решила улизнуть еще до прихода родителей – вдруг маме придет блажь в голову ее из дома не выпускать? Нет уж, береженого бог бережет...

* * *

Дорога к озеру была знакома до мельчайших подробностей, и все они были милы сердцу, и глаз радовался то зарослям иван-чая, то перелеску с березовыми тонкими стволами, то звону ручья под хлипким мостком. Какие же красивые места здесь, хоть кино снимай! И воздух звонкий и чистый. Недаром когда-то место у озера было выбрано для строительства лесной школы. Чтобы больные дети тамправлялись. Правда, с тех пор ее все время переименовывали – то санаторием назовут, то оздоровительно-профилактическим центром, – но для жителей поселка эта усадьба у озера так и осталась «лесной школой». От поселка всего три километра по прямой дороге, многие там и работали, отма-

живали каждый день пешочком туда-обратно.

У поселка было красивое название – Синие Камни (хотя никто толком не знал, откуда оно взялось: во всей округе вообще ни одного приличного камня не было, не то что синего). И озеро было рядом с поселком, но купаться ходили всегда на то, которое рядом с лесной школой. Оно и чище, и глубже. И вообще интересно было наблюдать с другого берега за жизнью воспитанников лесной школы. Как им купаться разрешают, например. Как они заходят в воду по свистку воспитателя и плещутся, и визжат от радости, бедолаги. И на берег – по свистку... Очень смешно было смотреть. И в то же время жалко их, да – все по режиму, никакой летней свободы.

А зимой, когда озеро застывало, эти бедолаги нарезали по нему круги на лыжах. Правда, очень медленно нарезали, с черепашьей скоростью. Как однажды объяснил папин друг Николай Михалыч, который завхозом в лесной школе работал, им вроде нельзя бегать-прыгать сколько захочется, надо сердце беречь. Болезненные они все, кто после операции, кто просто кислородом приехал подышать из города. И учебный процесс у них щадящий – всего по три-четыре урока в день.

А в это лето никто не приехал, потому как в лесной школе ремонт затеяли. Правда, нестыковка какая-то с этим ремонтом вышла, и бригада ремонтников пробыла там только полтора месяца и уехала, не закончив работу. Вот и пришлось Николаю Михалычу выкручиваться, срочно новую бригаду

искать. И нашел. Студенты приехали из города, подрядились к началу учебного года закончить ремонт. Среди них был и он, Никита...

Познакомились они на поселковой улице. Он первый к ней подошел, спросил, где тут у них магазин. И почему-то добавил с извиняющейся улыбкой:

– Я не местный... Ребята меня отправили за продуктами... Мы тут, неподалеку устроились...

– А, вы ремонт будете заканчивать в лесной школе, я знаю! – тоже улыбнулась она. – А магазин на другой улице находится, не здесь. Это тебе надо в проулок свернуть...

– А ты меня не проводишь, случаем? Время есть?

– Да вроде есть...

– Вот хорошо! Тогда и с продуктами мне поможешь, я в этом ничего не понимаю! Тебя как зовут?

– Настя... А тебя?

– А я Никита. Ну что, Настя, идем?

– Что ж, идем...

Так и пошли рядом. Болтали о чем-то, весело было, легко. Потом она пошла его проводить немного, чтобы не заблудился, и сама не заметила, как прошла полдороги до лесной школы. Спихватилась, остановилась... Еще подумает, что специально за ним увязалась! А он только посмотрел удивленно – что случилось, мол? И предложил, как ни в чем не бывало:

– Пойдем, посмотришь, как мы устроились! Может, и с

ужином мне поможешь? А то я сегодня дежурный... Как думаешь, что можно приготовить на ужин из того, что мы купили?

– Ну, не знаю... Можно гречку с тушенкой...

– Отлично! Я хоть научусь, а то не умею... Давай ты будешь мной командовать, а я буду сам все делать, хорошо? Ну, чтобы лучше запомнить...

– Давай...

Повар из Никиты и в самом деле был никакой. Но он старался, а она веселилась от души, отдавая команды. Да и чем там особо руководить, подумаешь, гречку сварить...

Потом, уже поздним вечером, ребята пришли, она со всеми перезнакомилась. Хорошие ребята, веселые, остроумные, хоть и смертельно уставшие за день. Все вместе поужинали, убрали посуду. Потом Никита пошел ее провожать...

– Как жалко, что завтра я не дежурю... Я бы снова в магазин пошел и снова бы тебя встретил... – вздохнув, произнес он на прощание.

– А разве надо обязательно в магазин идти, чтобы встретиться? – вдруг спросила она, сама от себя такой наглости не ожидая.

– Нет... Нет, конечно... – торопливо проговорил Никита. – Но я ведь допоздна работаю, у нас режим такой... Если медленно будем работать, не успеем ничего. А наряд нам по факту обещали закрыть...

– Да я понимаю, что ты. Но ты правда хочешь... Чтобы

мы еще встретились?

– Конечно, хочу. Зачем спрашиваешь?

– Тогда я приду завтра. Как ты закончишь работу, я и приду. Если раньше приду, то посижу, подожду тебя...

– Я буду рад тебя снова увидеть, Настя... Тогда до завтра?

– До завтра...

Тогда она ушла, унося в себе неловкое чувство – получается, сама навязалась. А с другой стороны... Если бы не навязалась, то и не встретились бы они больше с Никитой? Нет-нет, об этом даже думать не хочется...

Наверное, она тогда сразу в него и влюбилась. В первый же день. И потому все случилось так быстро... Потом, на третий день, в стог сена... И даже страшно не было, наоборот, было ощущение счастливой правильности происходящего. И луна светила так ярко, и теплый сладкий ветер дурманил голову, и не хотелось идти домой... Но надо было идти. Никите ведь утром вставать рано. Да и ее могли дома потерять... Хотя ей удавалось скрываться до поры до времени. Приходила ночью со стороны огорода, чтобы не стукнуть калиткой и не разбудить родителей, лезла в окно своей комнаты. Это уж потом мама что-то заподозрила, и она сначала врала ей, что с девчонками допоздна засиживается. Но поселок маленький – разве правду скроешь? Пришлось во всем признаться... То есть не во всем, конечно. Слишком уж мама боялась этого «всего». Даже пыталась ее в комнате закрыть, и пришлось поплакать немного от обиды. А когда мама спать ушла, все

равно сбежала. Через окно...

Да что мама может понимать вообще! Наверное, она сама и не любила никогда, оттого папа всегда такой грустный...

Дорога свернула последний раз, и в низине у озера показалось здание лесной школы. Ну вот и пришла... И кажется, вовремя. Во всем здании – тишина. Значит, ребята на сегодня работу закончили...

Никита уже шел ей навстречу, улыбался, раскинув руки. Она подпрыгнула, с радостью понеслась в его объятия, ухватилась руками за шею. Боже, счастье-то какое...

– Ты чего так поздно? Я давно жду... – прошептал на ухо Никита, прижимая ее к себе.

– Почему поздно... Я всегда в это время прихожу...

– Да? Значит, это мы сегодня пораньше отстрелялись, вот в чем дело. Сегодня у Боба день рождения, ребята решили у озера пикничок устроить. Слышишь, как гуляют?

– Слышу, ага...

– Ну вот... А я сижу тут один, тебя жду.

– Ой, а я ж не знала про Боба... У меня и подарка нет...

Ты бы предупредил заранее, что ли!

– Да ладно, Боб обойдется. И вообще я предлагаю к ним туда не ходить... Пойдем в комнату, пока они там... Я жутко соскучился по тебе, Насть! Пойдем... Они там долго еще куролесить будут...

Потом они лежали на узкой казенной кровати, молча улыбались в темноту. Она точно знала, что Никита улыбается.

Она слышала его дыхание, как оно совпадает с ее дыханием. У них одно дыхание на двоих. У них одно молчание на двоих. У них одно счастье на двоих...

С озера доносились веселые хмельные голоса ребят, и музыка у них была тоже хмельная. И они выпевали в такт музыке дружным хором песню «Аргентина-Ямайка 5:0».

Никита чуть приподнял голову с подушки, поднял вверх ладонь, сжатую в кулак, подхватил яростным шепотом, смешно нахмутив брови.

Она не удержалась, тоже подняла кулак вверх, начала тихо подпевать, искоса взглядывая на Никиту.

И расхохотались оба тихо, и обнялись... А ребята за окном все больше входили в раж, уже не пели, а орали дурными хмельными голосами.

Громче всех пел Боб. Ему и положено – именинник все-таки. Да и на правах бригадира должен быть запевалой...

– А ты давно дружишь с Бобом? – тихо спросила она, касаясь кончиками пальцев щеки Никиты.

– Да я бы не сказал, что мы друзья... – задумчиво проговорил Никита. – Так, знакомые просто... Он же старше нас всех и женат давно, двух дочек воспитывает. Позвал поработать в его бригаде, я согласился. Лишние заработки никогда не помешают. А почему ты про Боба вдруг спросила?

– Ну как, почему... Я ведь ему очень благодарна... Если бы не позвал тебя, мы бы и не встретились никогда...

– А... Ну да. И впрямь бы не встретились.

– Никит... А ты любишь меня?

– Люблю, конечно. Ты же знаешь. Очень люблю.

– Но ведь ты уедешь, Никит... Скоро ремонт закончится, и ты уедешь...

– Да, уеду. Домой уеду. Но я вернусь, малыш... Обязательно вернусь. Это ведь неважно, что мы с тобой в разных местах живем, верно? Важно, что мы друг к другу чувствуем... Что любим... Любить можно и на расстоянии, а жизнь за нас сама все решит, что сделать с этими расстояниями... Правда, малыш?

Он вздохнул, прижал ее ладонь тыльной стороной к своим губам. Она медленно кивнула, размышляя над его словами, потом улыбнулась, проговорила робко:

– А я через год школу окончу... И поступать в институт буду, в город приеду...

– Ну, вот видишь! А я о чем тебе толкую! Да что такое год, это же сущая ерунда, правда? Через год ты поступишь, и мы снова будем вместе!

– Да, через год... – эхом откликнулась она и вздохнула: – Через год...

– Ну, что ты опять загрустила, глупенькая?

– Я не загрустила... Просто мне кажется, я не выдержу целый год... Я умру...

Он хмыкнул, хотел что-то ответить, да передумал, наверное. А ей вдруг вспомнилась бедная Наташа Ростова, ее отчаяние вспомнилось, с каким она говорила Болконскому, ко-

гда он отсрочил свадьбу на год, – я не выдержу, я умру... Почему год, какой год? Я не выдержу... Тогда, на уроках литературы в школе, ей эта Наташа ужасно смешной и нелепой казалась, а теперь она сама вслед за ней повторяет – я не выдержу, я умру! Она даже хотела поделиться этим сравнением с Никитой, но в последний момент одумалась – вдруг Никита смеяться начнет? Скажет – какой я тебе граф Болконский... Тоже придумала!

– Что-то ребята замолчали... Слышишь? Выдохлись, кажется. Скоро спать придут, наверное, – произнес Никита, глядя в темное окно.

– Ой, да... Мне уходить пора... – села она на постели, придерживая простынь у груди. – А который час, Никит?

– Сейчас гляну... О! Половина второго уже! Ничего себе, как время быстро пролетело!

– Половина второго?! Ой, мамочки... Тогда я домой побегу, Никит...

– Я провожу!

– Нет! Не надо. Правда, так лучше будет... Я лучше сама... Я бегом добегу... Вдруг папа меня на дороге ждет? Или мама... Они сейчас не ложатся спать, пока я не приду... А вчера мне настоящий допрос устроили, что у нас с тобой да как...

– И что ты?..

– А что я? Ничего... Гуляем, говорю... На луну посмотрим... Не могу же я им рассказать, что... Ну, сам понима-

ешь...

– Понимаю. И не надо, и не говори. Сами разберемся.

Правда?

– Конечно, сами разберемся. Просто их тоже можно понять... Они ж меня любят, волнуются...

– Я тоже люблю тебя, малыш. Очень. Погоди, не убегай...

Я забыл тебе сказать... Я ведь уезжаю завтра утром.

– Уезжаешь? Куда?

– В город. Надо маман с днем рождения поздравить и в институт заскочить, может, преподавателя застану, за мной с летней сессии хвост остался... Так что вернусь через три дня, Боб меня отпустил.

– Через три дня?! – в ужасе переспросила Настя и села на край кровати, будто ноги перестали ее держать. – Ты сказал, через три дня?!

– Да перестань, малыш... Ну что ты так перепугалась? Подумаешь, три дня... Да мы ведь только что говорили об этом...

– Ну да... Говорили... Но как же... Целых три дня...

– Да они быстро пролетят, вот увидишь! Ты и соскучиться не успеешь! Ну хочешь, я тебе все время звонить буду? Через каждые полчаса – хочешь?

– Хочу...

– Ну, вот и договорились! Я буду звонить!

Она сидела, молчала, не в силах собраться с мыслями. За окном уже слышались голоса ребят – надо уходить быстрее.

– Малыш, сейчас ребята придут... – осторожно проговорил Никита, глядя на нее с тревогой.

– Да, да... Я иду... Иду...

– Может, тебя все-таки проводить?

– Нет, я сама...

Она поднялась, сделала несколько быстрых шагов к выходу. В дверях обернулась, глянула на Никиту с отчаянием...

– Всего три дня, малыш! Всего три дня! Я буду скучать...

Кивнула, заставила себя улыбнуться. И выскочила на улицу, бросилась бегом на дорогу.

Бежала долго, пока не запыхалась. Зато отчаяние стало не таким жгучим, и здравая мысль пришла в голову – ну что же она в самом деле... Подумаешь, три дня! Да переживет она эти три дня, ничего с ней не случится. А потом Никита вернется... И правильно он говорит – не имеют значения время и расстояния, если есть любовь...

* * *

– ...Настена, вставай, завтрак готов! Ты слышишь меня, Настена?

– Да, мам, я слышу... Я уже не сплю... Сейчас приду, мам.

Она и впрямь не смогла уснуть этой ночью. Мысли в голове были грустные, сплелись в один комок отчаяния – три дня, три дня... Как она будет жить эти три дня? И не только три дня... Впереди очень долгое расставание – на год. И

тут хоть плачь, хоть ужасайся, как Наташа Ростова, а от осознания неприемлемости времени, проведенного без Никиты, никуда не денешься. И не придумашь ничего, чтобы избежать неприемлемости...

Ну что, что можно придумать? Из дома в город сбежать? Попросить Никиту, чтобы увез ее с собой? Но куда он ее увезет? Им ведь даже пожениться нельзя, ей только через год с хвостиком восемнадцать исполнится! Да и ему рано жениться, он же студент... Вон, даже с летней сессии долги остались...

Ничего не поделаешь, надо переждать этот год. Надо привыкнуть к ожиданию. Вернее, начать привыкать... И эти три дня будут тем самым началом. Ничего-ничего, вполне можно пережить эти три дня. Можно чем-нибудь полезным заняться, к примеру, чтобы время убить. Завтра же выходной, можно с папой на рыбалку сходить! Давно они не были на рыбалке... Да, это же так здорово, как же она забыла! Встаешь рано-рано, идешь к озеру, садишься в лодку... Папа на веслах, она на корме. По воде туман стелется, плывешь, будто на облаке летишь. И тишина, и воздух утренний такой вкусный, такой сладкий... И солнце из-за леса поднимается, и хочется раскинуть руки ему навстречу... И полететь, полететь вверх, как жаворонок! И петь свою счастливую песню! А папа будет смотреть на поплавок и улыбаться. Потому что на самом деле он вовсе не на поплавок смотрит, а на нее...

А еще обязательно нужно к Ольке сходить. Наверное, оби-

жается на нее подружка, хотя и понимает, конечно, что сейчас ей не до дружбы. Она вообще очень понятливая, Олька. Хотя и жизнь у нее трудная. Без отца живет. Помогает маме двух младших братьев поднимать. Мама с утра на работу уходит, а весь дом на Ольке остается. И братьев накормить, и приглядеть за ними, и в огороде надо работать... Тем более сейчас у Ольки пора заготовок началась, наверняка с утра до вечера банки с соленьями-вареньями закручивает. А что делать? Зиму как-то зимовать надо. На мамину зарплату в магазин за всякой всячиной не набегаешься, и помощи ждать неоткуда. Отец у Ольки как подался три года назад на Север «деньгу зашибать», так там и увяз. Правда, сначала письма писал и действительно присылал деньги, а потом... Потом письмо Олькиной маме пришло – прости, мол, другую полюбил. Больше не вернусь. Живи как хочешь. Мама три дня после этого письма выла, как по покойнику... Сердобольные соседи ее наставляли – на алименты, мол, подай! С паршивой собаки хоть шерсти клок! А мама только отмахивалась – не надо нам ничего, сами проживем... Если захочет, то будет детям помогать, а не захочет, так не заставишь...

Олькин отец не захотел. Поговаривали, что у его новой возлюбленной двое детей имеется, вот им и помогает. И ничего с этим поделать нельзя, надо принять как факт. Хотя – как его примешь? Обиженному сердцу ведь приказ не отдашь. Надо как-то жить с этой обидой, работать, кормиться как-то. Вот Олька и старалась изо всех сил маме помочь...

Да, надо сегодня же к Ольке сходить. Поговорить, посоветоваться. Хотя наверняка ее проблемы не сравнятся с Олькиными, но все же...

– Настя! Да что это такое в самом деле? Сколько можно валяться? Выходи к завтраку, разговор есть!

От маминого голоса она вздрогнула, быстро подскочила с кровати. Задумалась, улетела мыслями, а надо ж было и впрямь к трудному разговору подготовиться! Сейчас же опять начнется: как тебе не стыдно, мол, опять ночью пришла... Мы с отцом глаз не сомкнули...

Умылась, вышла на кухню, села за стол. Мама молча намазывала масло на хлеб, на нее не смотрела. Зато всем видом показывала, что сердится. Вон как губы плотно сжаты, прямо наполнена вся недовольством, пыхтит, как самовар. А у папы взгляд, как всегда, осторожный. Папа всегда готов это недовольство на себя взять. Да уж... Посмотришь на них и подумаешь – неужели и они когда-то были влюблены? Ведь были же... И мама на свидания к папе выходила, и волновалась, и грустила, когда его долго не видела... Куда все это подевалось из их жизни?

Вот у нее с Никитой точно все не так будет! Она будет смотреть на него и улыбаться. Всегда улыбаться. Будет счастлива одним только его присутствием. И уж точно никакого недовольства себе не позволит...

– Ты опять ночью пришла, Анастасия. И не надо говорить, что это не так! Мы с отцом глаз не сомкнули, пока ты не

заявилась. Хотели уже на дорогу пойти... Сколько это будет продолжаться, скажи?

– Мам... Я не знаю, что тебе сказать. Правда. Никита ведь поздно работу заканчивает... По-другому просто не получается...

– А что, он после работы не может сам к тебе прийти? Почему к нему бегаешь?

– Так он же устает очень сильно... Просто с ног валится... Да и что здесь такого, если я сама...

– Да как это – что такого? А где твоя девичья гордость? Получается, сама за парнем бегаешь! Это же стыдно, Анастасия! Не ожидала от тебя такого, да... Вроде мы с папой в других принципах тебя воспитывали...

– Да он скоро уедет, мам. Скоро никуда бегать не буду, дома сидеть буду! – со слезой отчаяния в голосе произнесла она, наливая себе чаю. – Скоро уже, совсем скоро...

– Ну ладно тогда... Только смотри у меня, Анастасия! Чтобы никаких сюрпризов нам с отцом...

– Да какие сюрпризы, мама! Ну зачем ты...

– Ладно, ладно. Только не убегай никуда, пока я с работы не приду. А то взяла моду – убежать, не дождавшись...

– Я сегодня весь вечер дома сидеть буду, мам.

– Ой, да неужели? Свежо предание, да верится с трудом!

– Правда, дома буду... Я ж сказала... Днем к Оле схожу, а вечером приду...

– А чего так? Поссорились, что ли?

– Нет. Просто Никита на три дня домой уезжает. Ему маму надо с днем рождения поздравить.

– Ишь ты, какой заботливый... Ладно тогда. Оле от меня привет передавай. И пусть матери скажет: в аптеку детские витамины завезли, дешевые, но очень хорошие. Я ей оставила парочку упаковок. Пацаны-то все время болеют, как осень начинается...

– Спасибо, мам.

– Да ладно... Спроси, может, еще чего надо... Я всегда рада помочь...

– Ладно, спрошу.

– Ну все, я пошла. Сейчас в аптеку народ потянется. Время-то заготовочное, перетрудились все на огородах... Всем что-то нужно, причем срочно да позарез...

Мама ушла, и отец спросил тихо, будто боялся ее спугнуть:

– Ты чего такая грустная, Насть? Ну, уехал на три дня и уехал, подумаешь... Уехал, значит, вернется...

– Ну да, это сказать легко... А мне без него очень плохо, пап. Понимаешь?

– Понимаю, дочка. Ничего, крепись. Первая любовь, она такая. Любая ерунда катастрофой кажется. С возрастом это проходит, Насть.

– А у меня не пройдет, не пройдет! У меня всегда так будет! Чтобы все только на самой высокой ноте! Я ведь жаворонок, я к самому солнцу должна долететь, чтобы быть счаст-

ливой! И не говори мне сейчас, что крылья можно обжечь, ладно? И пусть обожгу... Все равно у меня так будет – на самой высокой ноте!

Отец посмотрел на нее грустно и с пониманием, вздохнул, встал со стула.

– Ладно, пойду я на работу... Не след опаздывать...

– Ой, пап! Забыла спросить! А давай завтра утром на рыбалку пойдем! Давно не ходили!

– Что ж, пойдем... Тогда червей накопай сегодня, все приготовь...

– Да, я все сделаю, пап!

– Ну вот и хорошо, вот и умница. На рыбалку так на рыбалку. Ишь, как я тебя прирастил к рыбалке-то, словно пацана... Пойдем, дочка, пойдем!

После того как отец ушел, она еще посидела за кухонным столом, уперев подбородок в ладонь. Потом вдруг сообразила – Никита ведь должен звонить! А телефон в комнате на столе оставила!

Подскочила, опрометью бросилась в свою комнату, глянула на дисплей... Нет ничего. Вообще ни одного вызова нет. И села на кровать в отчаянии – ведь обещал же! Хотя он еще и не приехал, наверное... Электричка до города два с половиной часа ползет, и не везде связь имеется. Да это и посчитать можно, наверное... Значит, первая электричка в семь утра... Значит, он придет в город только около десяти... А сейчас на часах девять! Так что зря она обиделась, зря! Про-

сти, Никита...

Он не позвонил и в десять. И в одиннадцать не позвонил. И это была уже катастрофа. Не позвонил, хоть и обещал!

Так и сидела на своей кровати, привалившись спиной к стене и сжимая телефон в руке. И можно хоть как себя утешать и успокаивать, и придумывать веские причины – отчего он не позвонил, а сердце все равно набухает отчаянием, да так, что кажется, сейчас до горла доберется и дыхание перекроет... А когда телефон все же вздрогнул вызовом, даже не поверила, что дождалась...

– Привет, малыш! Как дела?

– Никита... Никита! Ты почему так долго не звонил! Я же тут с ума схожу... Хотела сама тебе позвонить, но потом подумала – а вдруг ты в институт сразу с вокзала поехал, экзамен сдавать... Боялась тебе помешать...

– Нет, я еще не был в институте. Сейчас как раз туда направляюсь. О, а вот и мой автобус, малыш... Ну все, пока... Я потом еще позвоню, не скучай...

Все. Отключился. Но вспомнил же, позвонил! Значит, можно жить дальше... Можно теперь и к Оле сходить... Да, теперь можно жить, слава богу!

Оля встретила ее радостно, хотя сразу извинилась:

– Ни минуты свободной нет, Настька... Видишь, какой дым коромыслом? Третий день уже банки на зиму закатываю! Жалко, если овощи пропадут, вон их сколько...

Все кухонное пространство и впрямь занимали горы огур-

цов, помидоров, перца и всякого другого овоща, ожидающего своей очереди для хозяйского использования. Настя огляделась, проговорила весело:

– Так я тебе помогу, Олька! Давай руководи, что делать надо! Вдвоем быстро управимся!

– Да? – недоверчиво глянула на нее Оля. – Ну ладно, если так... Тогда давай нарежь капусту, перцы и морковь, и лук еще... А я все это хозяйство обжаривать буду. Зимний салат закатаем, банок десять точно получится. Зимний салат хорошо зимой идет, с жареной картошечкой... И суп заправлять тоже можно, только надо луку больше положить...

– Ты прямо как заправская хозяйка всему научилась, ага... – садясь за стол и придвигая к себе большую разделочную доску, с уважением проговорила Настя. – А я вот сама ничего такого не умею... Если только мама просит иногда помочь...

– Ну, чего сравниваешь-то? Ты у нас вообще неженка-белоручка, мать с отцом с тебя пылинки сдувают! А я... С меня пылинки сдувать некому, мама вон на двух работах мается... Работает, работает, а толку нету. В магазине уборщицей, в школе сторожем да опять уборщицей... Сама понимаешь, какая у нее зарплата. Мама говорит – слава богу, хоть такие деньги есть... Без денег-то ведь никуда не сунешься, на одной картошке да соленьях с огорода не проживешь. Раньше отец хорошо зарабатывал, мама дома была, хозяйством да детьми занималась... А теперь как хочешь, так и выжи-

вай. И чего отца на этот Север понесло, не понимаю? Хорошо ведь жили...

Настя слушала Олю, сочувственно кивала головой. Очень хотелось поделиться своими переживаниями с подругой, но что они есть по сравнению с Олиными трудностями? Как бы мама сейчас сказала – кому морковка сладка, кому жемчуг мелок...

– Ой, что я все о себе да о себе... – вдруг спохватилась Оля, глянув на Настю. – Как у тебя-то дела, расскажи? Мы ж с тобой давно не виделись, совсем забыла меня со своей любовью... Давай все-все мне рассказывай... Вы уже целовались, да?

– Да, Оль. И не только.

– В каком смысле?

Оля обернулась от плиты, где перемешивала томящиеся в подсолнечном масле овощи, да так и застыла с ложкой наперевес, в ожидании глядя на подругу.

– В самом прямом смысле и есть, Оль... – улыбнулась ей Настя и вздохнула счастливо, и снова улыбнулась. – Если бы ты знала, как я его люблю... Какой он... Даже рассказать не могу, да это и невозможно словами сказать... Я так счастлива, Оль... Так счастлива...

– А он?

– А что он? Тоже меня любит, конечно.

– Но ведь он уедет...

– Да знаю, знаю! Мы уже говорили с ним об этом. Через

год я в институт поступлю, и мы снова будем вместе. Может, и на зимние каникулы к нему съезжу... Там видно будет...

Мысль о зимних каникулах только что пришла ей в голову и показалась очень удачной. Почему бы и впрямь не поехать?

– А как ты поедешь? Тебя ж не отпустят... Да и где в городе жить станешь? У вас там родственников вроде нет...

– Ну, можно и в гостинице... Да что об этом сейчас говорить, ближе к делу что-нибудь придумается! Или Никита что-нибудь придумает... Я ему верю, Оль... Он любит меня! Любит!

– Хм... Ты так это сейчас говоришь, будто сама себя убедить пытаешься.

– Нет! Нет, конечно! Еще чего! Просто я точно знаю, что любит! И я его люблю! Ты что, мне не веришь?

– Верю, верю всякому зверю... А ты не боишься, Насть? Ну, то есть... Я хочу сказать... Залететь не боишься? Помнишь, как Танька Васильева в восьмом классе залетела, какой переполох был...

– Да ну тебя, Оль... Вечно как скажешь, хоть стой, хоть падай... – легкомысленно произнесла Настя и даже хохотнула коротко, отводя глаза.

И сама вдруг услышала, какой испуганный и неловкий хохоток вышел. Совсем неуверенный. А в следующую секунду и холодок пробежал по спине, и мысли побежали в обратную сторону, напрягая память, и нехитрый расчет вдруг сам по себе выстроился в голове...

О боже! Как ей это раньше в голову не могло прийти? Ведь точно, задержка две недели уже... Какая же она идиотка, господи! Так влюбилась, совсем голову потеряла! Боже, как страшно-то... Что же теперь будет...

Рука с ножом дрогнула, и лезвие прошлось по фаланге большого пальца. Сильно прошлось, кровь широко брызнула на мелко нарезанную капусту, и Оля вскрикнула испуганно:

– Ой, да ты что! Как ты так, Настька! погоди, не шевели рукой, я сейчас перебинтую... Надо еще йодом намазать, или зеленкой... погоди, я быстро...

Пока Оля возилась с ее пальцем, Настя немного пришла в себя от испуга. То есть сумела ухватиться за спасительную надежду – может, и зря она паникует? Может, еще и нет ничего, просто задержка... Бывает же...

– Ты чего такая бледная, Настька, крови испугалась? – озабоченно спросила Оля, глянув ей в лицо. – Может, нашатыря дать?

– Нет, не надо нашатыря... Я и впрямь испугалась немного... А вдруг я... Вдруг я и правда залетела, Оль? У меня задержка две недели...

– Ой, Настька... Да ты что... – тихо залепетала Оля, прикрывая рот ладонями. – Да ты что, Настька, не дай бог... Мать же убьет тебя... И Никиту твоего в тюрьму посадит... Ты же это... Вроде как несовершеннолетняя...

– Ой, да может, еще и нет ничего, Оль? Может, просто задержка? Я же не знаю...

– Так надо точно узнать, Насть! Чего догадками мучиться?

– А как? Как я узнаю?

– Надо тест на беременность в аптеке купить...

– Оль... Ну ты сама подумай, что говоришь-то? Я пойду к маме в аптеку тест покупать? Да ты что?

– Ну да, ты права... Тогда давай я схожу и куплю...

– Еще не лучше, ага! Хочешь, чтобы моя мама твою маму насмерть перепугала? У нее ж не задержится, ты знаешь! Сразу доложит! А тебе потом оправдывайся!

– Ну да... И что тогда делать?

– Не знаю...

– Ой, Насть! Я придумала! А давай мою соседку Маринку попросим в аптеку сходить! Она замужем, она пойдет и купит тест... И твоя мама ничего не заподозрит...

– А вдруг она проболтается, что не себе его покупала?

– Да ты что? Маринка – кремень, ни за что не проболтается! Тем более я ее предупрежу! Ну что, сбегать к ней, попросить?

– Давай... Только у меня денег с собой нет... Скажи, что вечером деньги занесешь, ладно?

– Скажу, не проблема... Ладно, сиди тут, а я побежала... За овощами на сковородке пригляди, ладно?

Оля ушла, а Настя осталась сидеть, испуганно прислушиваясь к самой себе. Неужели... Неужели правда?!

Внутри ничего особенного не происходило. Ничего не бы-

ло внутри, кроме поселившегося испуга. Овощи на сковороде начали скворчать недовольно, и пришлось встать с места, пройти к плите и повернуть кран, выключая газ. Скорей бы уж Оля пришла... А вот она и бежит между грядок, топчется...

– Настька, тебе повезло! – не успев отдышаться, с порога объявила Оля. – У Маринки аккурат запасной тест оказался, она мне его презентовала! Правда, расспрашивать принялась, что со мной да как... Еле-еле отбилась! Теперь Маринка подумает про меня бог знает чего... Ну да ладно! Переживу как-нибудь! Сейчас мы все выясним, Настька... Тут инструкция есть, смотри...

Через двадцать минут Настя сидела за столом, съезжившись, глядела в кухонное окно распахнутыми от страха глазами. Оля стояла над ней, беспомощно сложив на груди руки. Обе молчали. А чего было говорить? Тут уж никакими словами не поможешь...

– Я беременна, Оль. Я беременна... Нет, я поверить не могу, Оль... Что теперь делать-то, а?

– Я не знаю, Насть... Наверное, надо родителям сказать.

– Родителям?! Да ты что? Они же мне только и толкуют о том, что если... Да не дай бог... Чтобы я себя помнила, что я... Что жаворонок может обжечь крылышки и упасть... Выходит, я уже упала, Оль, да? И насмерть разбилась?

– Насть... Какая ты все-таки... И впрямь, будто не на земле живешь, а под небесами летаешь! Ну почему сразу упала,

сразу насмерть разбилась? Ты ведь даже с Никитой своим не поговорила, не сказала ему ничего! А может, он обрадуется такой новости? Ты же говоришь, он любит тебя!

– Да, любит...

– Ну так пойди и скажи ему!

– Так он же уехал... На три дня...

– Подумаешь, на три дня! Вот приедет, и скажешь!

– Да, я скажу... Могу и по телефону сказать, он скоро позвонить должен...

– Нет, Насть, по телефону не надо.

– Ты думаешь?

– Да, лучше дождись его. Чтобы глаза в глаза...

– Да, ты права, Оль. По телефону не надо...

Ей вдруг очень захотелось услышать голос Никиты. Просто услышать, и все. Чтобы ухватиться за его голос, вдохнуть его в себя, как спасительный воздух...

Достала из кармана платья телефон, кликнула номер Никиты. Он ответил сразу, только голос был едва слышен – перекрывал шум городской улицы.

– Да, малыш, слушаю... Что-то срочное? Мне сейчас трудно говорить...

– Нет, ничего, Никит... Просто я очень скучаю! Я твой голос услышать хотела...

– И я скучаю, малыш! Скоро приеду! Целую тебя! Все, пока...

Нажала на кнопку отбоя, сунула телефон обратно в кар-

ман. Ну вот, можно и дальше жить... Глотнула немного воздуха.

Оля спросила тихо:

– Ну что?

– Говорит, что скучает...

– Вот и хорошо, что скучает, Насть. Да все будет нормально, не переживай! Может, он обрадуется... И даже ругать тебя станет, что сомневалась в нем...

– А я и не сомневаюсь, Оль. Просто я испугалась немного... Нет, теперь уже не сомневаюсь! Он же любит меня, я знаю...

– Ну вот и хорошо. И вообще тебе отвлечься надо... Работай давай, нарежь овощи! А я буду банки стерилизовать... Так и время пройдет быстрее!

* * *

Приехал! Рано утром проснулась от нежного пиликанья телефона – сообщение пришло... И сразу поняла, что оно от Никиты. Наверное, решил не будить ее звонком.

Села на постели, быстро сцапала телефон, даже не смогла прочитать сразу. Буквы прыгали перед глазами, горло перехватило волнением. Наконец прочитала: «Я здесь, жду вечером на нашем месте». Ура, ура! Приехал! Ждет вечером! На нашем месте!

«Нашим местом» была старая скамья у озера, спрятавш-

яся в кустах орешника. Ни с берега не видно, ни с дороги. И это хорошо, что не видно... Незачем подглядывать за чужой любовью, она только для двоих избранных предназначена! Для нее и для Никиты...

Спать больше не хотелось. Подскочила с постели, потянулась. Почувствовала, что никакого страха внутри нет – Никита же приехал... И она ему все сегодня расскажет... И вместе они будут думать, что делать дальше. И обязательно что-нибудь придумают. По другому – никак...

Оделась, умылась, вышла на кухню. Родители еще спят... Надо им завтрак приготовить, вот что. Занять надо себя чем-то, иначе кричащее внутри счастье просто разорвет на куски! Никита приехал! Приехал! Ура!

Вскоре мама вышла на кухню, подпоясывая на ходу халат, встала в дверях, проговорила удивленно и чуть насмешливо:

– Это что же такое у нас тут делается, люди добрые? Не иначе в эту ночь что-то в природе волшебное произошло? Звезды с неба упали, реки вспять потекли? Да чтобы наша доченька, наша соня-засоня раньше всех поднялась да на кухне хозяйничала? Да быть такого не может...

– Ну, мам! – обернулась она к ней от плиты, смеясь. – Ты скажешь тоже, ага... Просто раньше всех проснулась, вот и все! Я вам с папой на завтрак яичницу с колбасой жарю... А еще гренки с сыром... И кофе сейчас сварю...

Папа тоже проснулся, встал в дверях рядом с мамой, моргал спросонья. Потом спросил осторожно:

– Что это у вас тут, девушки? Опять ругаетесь, что ли?

– Да какое там... – отмахнулась от его осторожности мама. – Представляешь, Егор, наша дочь встала раньше всех и готовит завтрак! Ты можешь в это поверить, нет? Мне, например, кажется, что я сплю... Ущипни меня, Егор!

– Да ты бы лучше похвалила ее, чем удивляться...

– Да я бы похвалила, но сглазить боюсь!

– Родители! Вы долго в дверях стоять будете? У меня все готово уже! Садитесь завтракать, остынет же все!

– Смотри-ка, Егор, она на нас еще и покрикивает... – тихо засмеявшись, проговорила мама. – И что такое с нашей доченькой творится, а? То ходила три дня темнее тучи, то вдруг засияла, как ясное солнышко... А! Кажется, я догадалась! Наверное, она с этим городским мальчиком сначала поссорилась, а потом помирилась! Правильно я догадалась, дочь? Значит, опять нам сегодня с отцом не спать полночи?

– Ну мам... Ну чего ты опять...

– Ладно, ладно. Я ж все понимаю, чего ты. Первая любовь у тебя, понимаю. Я ж тебе не враг... Просто я хочу тебе лишний раз сказать, чтобы ты себя помнила и глупостей не наделала... Хотя я тебе столько раз все это повторяла, что ты наизусть выучила, наверное! По крайней мере, надеюсь, что выучила и усвоила!

Настя напряглась изнутри, но виду не показала. И впрямь, не вываливать же на родителей сейчас всю правду... Надо сначала с Никитой обговорить... Главное – до вечера до-

жить, извести быстрее дневное время!

– Мам... Ты скажи, что мне сегодня сделать надо? Я все сделаю, мам... И огород полью, и ягоды соберу, и в магазин схожу... А может, салаты на зиму закрутить, а? Я умею... Я Оле помогала заготовки делать и всему научилась... Ты мне только скажи, где у нас банки, крышки...

– Ну все, час от часу не легче... – тихо проговорила мама, быстро глянув на отца. – Будто подменили нам дочь, Егор... Даже не знаю, что теперь и думать, чего бояться! К добру ли такие перемены, а? Да чтобы сама вызвалась банки закручивать...

– Да брось, Ирин! – как всегда, начал заступаться за нее отец. – Никогда она лентяйкой не была, всегда по хозяйству помогала! Да, в последнее время ей не до того было...

– А теперь что изменилось, не пойму? Любовь прошла, завяли помидоры?

– Ну, не нам судить да выводы делать, Ирин. Наше дело принимать все, как есть.

– Да ладно, не учи меня жить... И без тебя все понимаю... Родители ушли, и начался долгий день. Даже работа его убить не могла, все тянулся и тянулся от утра к полудню, и солнце, казалось, стоит на месте, не собираясь уходить за горизонт. Наконец и оно сдвинулось, и стрелки часов тоже милостиво сдвинулись к вечеру. Пора выходить из дома. Пусть немного раньше, но ведь можно на скамейке в орешнике посидеть... Просто сидеть, просто ждать Никиту... А вдруг се-

годня ребята раньше свою работу закончат? Всякое может быть...

Были уже сумерки, когда она услышала его шаги. Ветки орешника раздвинулись, и сердце зашлось радостью – наконец-то! Наконец-то можно его обнять...

Ну вот и все. Теперь уже ничего не страшно. Вон какие сильные у него руки, как крепко он ее держит, как ласково шепчет на ухо:

– Как я соскучился, малыш... Как хотел тебя видеть, мой жаворонок... А ты? Ты без меня скучала?

– Конечно... Конечно, Никит... Я же так люблю тебя...

– И я тебя люблю, малыш...

Он целовал ее долго, долго. Было слышно, как заполошно колотится его сердце, и руки становятся смелее, смелее... Вот подхватил на руки, шагнул вместе с ней к скамье...

Она вдруг опомнилась – надо же сказать ему! Да, сначала сказать!

Уперлась руками ему в грудь, проговорила тихо, но требовательно:

– Никита, не надо! Я не могу... Мне надо тебе сказать...

– Почему? Почему не можешь? – проговорил он, задыхаясь. – Ну что еще за глупости, малыш... Потом скажешь... Я же так соскучился по тебе...

– Нет, сейчас! Мне сейчас надо сказать... погоди, Никита!

– Да что такое, малыш...

– Я... Я беременна! Я сделала тест, все подтвердилось! И я хотела, чтобы мы... Чтобы мы решили...

Он замер, продолжая с силой прижимать ее к себе. Потом вдохнул в себя воздух так, будто ему очень трудно было это сделать. Руки его ослабли, дрогнули... И дернулся судорожно кадык, будто от сильного испуга...

Наверное, он и впрямь испугался. И она тоже хороша – вывалила свою новость, как ушат холодной воды на голову! А он оказался не готов... Да и вообще так нельзя, наверное. Надо было как-то по-другому сказать. Подготовить его как-то. Или время другое выбрать...

– Ты испугался, да, Никит? – спросила робко, заглядывая ему в лицо.

– Нет... Нет, что ты... – задумчиво проговорил Никита, но она ясно услышала за этой задумчивостью осторожную и пугливую озабоченность. И струсила немного. А вдруг он скажет сейчас – ничего, мол, знать не хочу? Это твои проблемы, решай их сама?

– Что же нам теперь делать, как думаешь, Никит?

– Не знаю пока, малыш. Думать надо. Но мы обязательно что-нибудь придумаем, не переживай. Вернее, я придумаю...

– Ты ведь не бросишь меня, правда?

– Ну что ты, дурочка... Как же я могу? И вообще... Как ты могла обо мне такое подумать?

– Нет, я не думала... Я просто... Просто испугалась... Я

верю тебе, Никита. Конечно же, верю!

– Да. Ты верь мне, малыш. Я обязательно что-нибудь придумаю... А ты родителям своим ничего не сказала?

– Нет, что ты! Они ж с ума сойдут... У меня мама такая... Строгая и решительная! Ее в поселке все уважают... Да если она узнает! Я даже представить себе не могу, что будет! Хотя все равно ведь узнает... А еще знаешь, что совсем плохо, Никит?

– Что?!

– Мне же еще нет восемнадцати... Ты ведь знаешь, я тебе говорила... Нет, я не пугаю тебя, не бойся!

– Да я и не боюсь...

– А почему на меня так смотришь? Как чужой смотришь...

– Тебе показалось, малыш. Показалось... Все будет хорошо, малыш, вот увидишь. Мне надо все обдумать, все решить... Надо подготовить маман... Поговорить с ней... Хотя у меня тоже сложности в этом плане... Маман у меня тоже строгая и решительная. Но я думаю, мне придется ее убедить...

Никита замолчал, и она смотрела на него зачарованно. Ждала продолжения разговора. Но он долго молчал, и пришлось о себе напомнить...

– В чем ты хочешь убедить свою маму, Никит? Что нам надо теперь быть вместе?

– Ну да... В чем же еще, малыш? Только как все это бу-

дет, не знаю... А ты уверена, что хочешь родить ребенка? Может... Может, ты...

– О чем ты, Никит? Ты хочешь, чтобы я... Избавилась от него? Убила?

– Ну почему сразу – убила... Можно ведь и под другим углом посмотреть на эту проблему...

– Нет, но... Я не знаю, как все это сделать, Никит... Поселок у нас маленький, надо в город в больницу ехать. И все равно мама узнает в любом случае... И еще... Я не хочу... Я не хочу его убивать, Никит! Не хочу...

Она заплакала тихо, вжавшись лицом ему в грудь. Он гладил ее по спине дрожащими ладонями, говорил быстро:

– Не надо, не плачь, что ты... Я же сказал, придумаем что-нибудь... Вместе со мной уедешь, я поговорю с маман... Надеюсь, она поймет... Будем жить пока у меня... Квартира маленькая, конечно, но... Не плачь, малыш, не плачь, я обязательно все решу. Только родителям своим ничего пока не говори... Не скажешь?

– Хорошо. Я не скажу.

– Обещаешь?

– Обещаю. Да я и не смогу им сказать...

– Ну вот и договорились. Мы скоро тут все заканчиваем, работы осталось недели на две. А может, и раньше закончим. И тогда уже все решим. Обещаю.

– Значит, мы вместе отсюда уедем?

– Да. Конечно же, вместе.

– А что я родителям скажу? Мне ведь тоже как-то подготовить их надо...

– Я сам им все скажу, малыш.

– Правда?

– Правда. А как по-другому? Приду и все объясню... И поговорю... А потом... Потом мы поженимся... Только ты не выдавай себя раньше времени. Молчи пока. Договорились?

– Да... Договорились.

– Я все решу, малыш. Правда. Ты мне веришь?

– Верю, Никит. И я ничего не боюсь. Я тебе верю...

– Вот и ладно, умница ты моя. Мой малыш... Мой жаворонок... Все будет хорошо, я все решу, верь мне... Пойдем, я тебя домой провожу. Поздно уже...

– Да еще рано... Давай еще посидим немного!

– Нет. Сегодня прохладно, а ты в легком сарафанчике. Тебе нельзя простужаться. Пойдем...

* * *

И опять она не смогла сомкнуть глаз до самого утра. Убеждала себя – все же хорошо, все так, как она и предполагала... Никита хоть и не обрадовался ее новости, но и не испугался, обещал все решить...

Или все-таки испугался? Ведь если смотреть правде в глаза, ни о каком ребенке он и не задумывался. И о женитьбе

не задумывался. Да, говорил, конечно, что для любви преграды нет, что ни расстояние, ни время им не помешают... Но ведь о том, что они когда-нибудь поженятся – ни слова! Или это само собой подразумевалось, вкладывалось в смысл того, что преграды для любви нет...

Но ведь он сказал – поговорю с мамой! А о чем в данном обстоятельстве можно говорить? Только о том, чтобы жить вместе, ребенка воспитывать вместе... Только так, а как же иначе...

К утру от всех этих мыслей разболелась голова, да еще и затошнило вдобавок. И погода к утру испортилась, дождь забарабанил в оконное стекло. Настя накрылась с головой одеялом, свернулась в клубок... Не хочется вставать, не хочется начинать новый день. Страшно... И мамин голос не хочется слышать...

– Настена, иди завтракать! Вставай! Или у тебя только на одно утро хорошего настроения хватило? Все, запал кончился, да?

– Ммм... Можно, я полежу? – выпростала она голову из-под одеяла, повернула к стоящей в дверях маме. – Что-то мне нехорошо как-то...

– А что такое, дочь? Что нехорошо? – быстро подошла к кровати мама, положила ей ладонь на лоб. – Температуры вроде нет... Где болит, скажи?

– Да нигде не болит... То есть болит, да... Живот немного крутит... Может, отравилась чем-то вчера...

– Чем ты могла отравиться?

– Не знаю. Но я есть не хочу, мам. Совсем не хочу. Я лучше полежу, ладно?

– Да лежи, лежи... Я сейчас тебе активированный уголь принесу. Может, и впрямь съела не то. Если будет хуже, сразу мне на работу звони, договорились?

– Да... Я позвоню, мам...

Вскоре в доме стало тихо – родители ушли на работу. Дождь по-прежнему барабанил в стекло, и мысли по-прежнему не давали покоя. Хорошо хоть тошнота отступила. Может, и активированный уголь помог, а может... Это совсем другого рода тошнота... Так ведь бывает на первых сроках беременности. Вон, Маринку, Олину соседку, все время тошнило, ничего есть не могла, даже в больницу хотели положить, да она отказалась. Господи, как же не хочется обо всем этом думать, как страшно обо всем этом думать! Сил никаких нет...

И лежать просто так сил нет. Сколько можно себя изводить? Надо вставать, надо что-то делать. Надо Никиту увидеть... Хоть на минутку, в глаза ему посмотреть... Как с такой тревогой на сердце жить до вечера? Нет, надо сейчас...

Быстро поднялась с кровати, быстро оделась, умылась. Выпила холодного чаю на кухне, с трудом сжевала бутерброд с сыром. Глянула на часы – половина одиннадцатого. Нет, ну куда она пойдет в такую рань, не надо, наверное... Вся бригада работает, им время дорого, а она Никиту отвлекать

будет... А может, ему позвонить? Хотя бы голос услышать? Хотя он просил не звонить ему во время работы... Да и телефон он с собой наверняка не берет! У них с этим строго! Боб ругается, когда ребята на посторонние дела во время работы отвлекаются. Если только в обед можно Никиту увидеть...

Да, точно! В обед! Как ей сразу в голову не пришло! Ей же на пару минут всего надо, только в глаза ему посмотреть... Чтобы он улыбнулся и сказал: все будет хорошо, не бойся, малыш... Я все решу...

В половине первого она надела резиновые сапоги, ветровку, взяла зонтик, вышла из дома.

Дорогу, ведущую к лесной школе, совсем развезло от дождя. Лил, не переставая ни на минуту, и просвета в небе не видно. И на душе совсем тревожно стало... Странно, почему? Она же сейчас Никиту увидит...

Ребята сидели под навесом, обедали. Дежурный по кухне Володя первым ее увидел, улыбнулся, махнул рукой приветственно. Все подняли головы от тарелок, тоже посмотрели на нее. Как-то странно посмотрели... Или ей показалось?

Подошла ближе, отыскивая среди знакомых лиц Никиту. Никиты не было.

Зашла под навес, встала у стола. Автоматически закрыла зонтик. Хотела было спросить, где Никита, но Боб опередил ее, проговорил тихо:

– Он в город уехал, Насть... На двенадцатичасовой электричке. Ты совсем немного с ним разминулась. Да ты садись,

садись! Кашу гречневую с тушенкой хочешь?

– Нет... Нет, спасибо... – ответила она одними губами, не в силах издать ни звука.

– Тогда чаю, может? Замерзла, наверное? Холодно сегодня... Погода так резко поменялась...

– Нет, я не хочу чаю, – наконец сумела громко произнести она. – Я просто... Я Никиту хотела срочно увидеть... Мне очень нужно было его увидеть... Почему он уехал? Что-то случилось, да?

– Случилось, Насть. Ему кто-то позвонил... Сказали, мать в больницу на «Скорой» увезли. Он собрался быстро и ушел на станцию.

– Маму на «Скорой» увезли? А что с ней?

– Не знаю... Он не сказал.

– А скажи, Боб... Он вчера звонил маме, не знаешь? Говорил с ней?

– Не знаю. Может, и говорил. Я не слышал. Я рано спать лег.

– Да... Да, он говорил с ней, наверное... – задумчиво пролепетала она себе под нос. – Обо мне говорил... И потому маме плохо стало, да...

– Что, Насть? Не понял...

– Да ничего, Боб. Это я так... Сама с собой разговариваю. Я сейчас позвоню Никите, узнаю все...

– Так не получится ему позвонить, Насть...

– Почему не получится?

– У него телефона теперь нет. Так уж получилось, ага... Представляешь, когда ему позвонили и сказали, что мама в больнице, он аккурат около бетономешалки стоял. Уж не знаю, как так получилось неловко... Может, он от волнения дернулся, может, поскользнулся... А только телефон из руки выскочил да упал прямо в бетономешалку! И все, и кранты! Затянуло моментально! Теперь новый надо покупать, ага... Вот не зря говорят, что пришла беда – открывай ворота! Все к одному, все к одному!

– Да... Да, ты прав... Все к одному... – тихо произнесла она, глядя в сторону.

Почему-то она не могла глядеть Бобу в глаза. Не потому, что не верила, а потому, что боялась не верить. И ребята, сидящие за столом, как-то странно молчали, уткнулись в свои тарелки, ели кашу сосредоточенно. Будто им неловко было.

– Но ведь... Он ведь еще вернется сюда, Боб? Что он сказал? Не помнишь?

– Да ничего не сказал, Насть. Оделся и убежал на станцию. Тут не до разговоров, знаешь...

– Но вещи свои он не забрал? Он вернется за вещами?

– Да какие вещи... Переоделся в чистое, да и все. У нас тут у всех вещей немного. Как говорится, нищему собраться, только подпоясаться.

– А... Вы еще долго здесь будете?

– Не знаю, как получится. Надеемся скоро закончить. Обещали наряд закрыть без задержки...

– Значит... Значит, Никита может и не приехать, так, что ли?

– Может, и приедет. Смотри, как там с мамой все обойдется... У него ведь, кроме мамы, и нет никого. Он ее очень любит, я знаю...

– Он должен приехать, Боб. Он приедет. Он... Он обещал мне...

– Да все будет хорошо, Насть! Если обещал, значит, сделает! Не переживай! Слышишь?

– Я не переживаю. Я знаю, что он приедет... Может, уже завтра приедет... Я завтра приду, ладно? Вдруг он уже завтра...

– Насть, давай так договоримся... Как только он приедет, я тебе сразу позвоню, хорошо? У него ж теперь телефона нет, сама понимаешь... Давай я запишу твой номер... – с готовностью полез Боб в карман штанов, чтобы достать телефон.

– Не надо, Боб. Я лучше сама приду. Мне нетрудно.

– Ну, как хочешь...

– Да, я приду. Я должна его увидеть... Обязательно увидеть... Он знает... Он приедет обязательно...

И опять она почувствовала, какая напряженная повисла тишина за столом. И постаралась отбросить от себя это неловкое чувство. Потому что... Потому что так надо. Потому что иначе нельзя. Иначе можно с ума сойти. Сейчас надо просто набраться терпения и не обращать внимания на эту... на эту неловкую тишину. Да и что эти ребята могут знать о

них с Никитой?

Встала из-за стола, постаралась улыбнуться, произнесла почти весело:

– Пока, ребята! Успехов вам и трудовых подвигов!

– Пока, Насть... Пока... – ответили они нестройным хором.

Не помнила, как пришла домой. Разделась, забралась под одеяло. Только сейчас почувствовала, как замерзла. Дождь все барабанил по стеклу, и очень хотелось плакать.

Плакать она не стала. Почему-то казалось, что-то совсем плохое произойдет, если заплачет. Будто вслед за слезами хлынет уверенность, что Никита ее обманул...

Но ведь не обманул, не обманул! Он... Он придет еще! Он же знает, что обязательно надо приехать! Надо же что-то решать... И он ей сказал: я все решу, малыш... Ведь не просто так он это сказал! И он не виноват, что обстоятельства так неожиданно сложились. Что мама заболела. Вот маме станет лучше, и он придет!

Нет, не станет она плакать...

Надо просто ждать, и все.

Он вернется. Обязательно вернется...

Так и пролежала под одеялом остаток дня, до прихода родителей. Услышав, как хлопнула калитка, быстро поднялась, подошла к зеркалу, заставила себя улыбнуться. Не надо, чтобы мама увидела ее в таком состоянии. Не надо, ей сейчас ни к чему лишние расспросы. Надо вести себя так, будто ни-

чего плохого не произошло. Ведь и в самом деле не произошло, все как-нибудь решится со временем! Надо только подождать, когда приедет Никита...

– О! Ты дома, что ли? А я уж не чаяла тебя увидеть... – насмешливо произнесла мама, отряхивая с плаща капли дождя. – Думала, ты уже навстречу своей любви унеслась, несмотря на погоду... Как в песне поется – по морозу босиком... А может, мы твоего мальчика в гости пригласим, а? Замерз там, наверное... А что, я бы скоренько пирог испекла... Давай позвони ему, скажи, пусть приходит!

– Он не придет, мам.

– Это почему же?

– Он уехал. У него мама заболела. В больницу на «Скорой» отвезли.

– А, вот в чем дело... А я уж думала, ты за ум взялась, перестала на свиданки бегать... Да и то, пора уже за ум взяться, первое сентября на носу! Такой ответственный для тебя год впереди! Надо все силы собрать и учиться, надо в институт поступить... Не передумала еще с медицинским? Правда, туда поступить трудновато, но учителя говорят, у тебя все шансы есть... Если только не станешь забивать голову ерундой всякой! Ну, чего ты от меня отворачиваешься? Не нравится то, что я говорю, да?

– Почему же... Правильно все говоришь, мам...

И сама не узнала своего голоса – такой он был противно покладистый. Наверное, когда врешь, всегда бывает против-

но. Хотя и правды сказать нельзя... Пока – нельзя...

После ужина отец ушел в гости к своему другу Михалычу, а они с мамой провели вечер у телевизора. Смотрели какое-то ерундовое ток-шоу, где участники то плакали, то кричали, то взывали о помощи. Мама то комментировала происходящее на экране, то со вздохом смотрела в окно, сокрушалась тихо:

– Ягоды не успели собрать, дождем на землю собьет... Плохие мы с тобой хозяйшкИ, дочка. И варенья на зиму почти не сварили, и заготовок не сделали. Ну да ладно, не последний кусок хлеба едим... Отец хорошо зарабатывает, я тоже не жалуясь. Если еще и огородом в полную силу заниматься, никакого здоровья не хватит... Ты бы хоть Олю, подружку свою, позвала, пусть она себе заберет, что на огороде неубранным осталось. Вон огурцов сколько еще в теплице! И помидоры остались... Куда это все, пропадет же!

– Не, мам. Она ничего не возьмет, я даже и предлагать не буду.

– Ишь ты, не возьмет... Бедная, но гордая, да?

– Ага. Бедная, но гордая.

– А куда твоя Оля после школы поступать собирается?

– Так мы вместе решили... В медицинский...

– Ну, с тобой-то все понятно, допустим... А кто Олю будет учить, интересно? Мать не сможет ее столько лет тянуть, ей еще младших поднимать надо... Или Оля собралась на мизерную стипендию жить?

– Не знаю... Мы как-то не говорили с ней на эту тему...

– Да уж, завидую я вам! Эх, молодость, молодость... Легкомысленное счастливое времечко... Еще не знаете, что это такое – забота о хлебе насущном... Насчет Оли не могу утверждать, а ты у нас точно не знаешь. Растим тебя с отцом, как орхидею какую, в тепле, заботе да нежности. Доченька наша единственная, любимая...

Мама протянула руку, ласково ухватила ее за плечо, притянула к себе. И так вдруг жалко ее стало, хоть плачь... И стыдно ужасно! Мама так любит ее, а она... Каково маме будет узнать...

А с другой стороны – что такого постыдного она сотворила? Что время обогнала и рано полюбила по-настоящему, что ли? Ничего ведь страшного не происходит! Вот приедет Никита и сам маме все объяснит... И она уедет вместе с ним в город... А учебу можно и потом закончить. И в институт поступить – потом...

Хотя звучит, конечно, неубедительно. И маме будет неприятно, когда все узнает. Господи, скорей бы уж Никита приехал...

На крыльце послышались отцовы шаги, и мама пробормотала с веселым недовольством:

– У-у-у... По шагам слышу, наш папка навеселе пришел. Хорошо, видать, с Михалычем посидели. Душевно.

– Не ругай его, мам... – тихо попросила она.

– Да когда я его ругала, бог с тобой! – засмеялась ма-

ма, поднимаясь с дивана. – Я ж понимаю, мужику надо иногда расслабиться... Сейчас спать уложу, а утром и поругаю немножко для профилактики. Чтобы порядок знал. А ты смотри и учись, и запоминай все про нормальную семейную жизнь, пригодится... Еще не скоро пригодится, конечно... И все равно – учись да на ус мотай!

Мама ушла «укладывать» отца спать, а она еще долго сидела перед телевизором, не видя и не слыша того, что происходит на экране. На душе было маетно и тревожно, и пора было идти спать ложиться... Но что толку ложиться, если все равно не уснуть? Лежать, в темноту глядеть и гонять в голове испуганные грустные мысли? Лучше уж перед телевизором сидеть, все-таки отвлекает...

Утром она снова пошла в лесную школу. Дождь перестал, но дорогу совсем размыло, и пришлось идти очень медленно, оскальзываясь в грязи. Дул ветер, небо хмурилось, обещая очередную морось. И опять очень хотелось плакать...

Боб стоял на крыльце, разговаривал с кем-то из ребят. Увидев ее, печально развел руки в стороны, помотал головой – зря, мол, пришла, не приехал... Когда она подошла ближе, проговорил с досадой в голосе:

– Да в ближайшее время он не приедет, Насть... Ты бы не приходила зря, чего по такой погоде... Если он приедет, я его сразу к тебе отправлю, договорились?

– Хорошо... Спасибо тебе, Боб. Но я и сама могу... Понимаешь, мне очень надо его увидеть! Я лучше сама приду,

ладно? И завтра приду...

– Что ж, твое дело. Но я еще раз тебе объясняю – так быстро он не придет! Все-таки мама в больнице, это ж дело серьезное...

– Да я понимаю, Боб... Но все равно я завтра приду. А вдруг?!

Повернулась, быстро пошла обратно, словно испугалась чего. Будто Боб мог ее догнать и сказать что-нибудь ужасное.

Как прошли другие за этим дни, она плохо помнила. Делала что-то по дому, ждала родителей с работы, беседовала о чем-то, улыбалась... И ждала следующего утра, чтобы пойти в лесную школу. А вдруг?!

Вдруг сейчас она подойдет, а с крыльца сбежит Никита, и обнимет ее, и прижмет к себе, и станет шептать ей на ухо что-то ужасно виноватое – прости, мол, так получилось, маму не мог бросить...

В то утро все ей показалось обычным. Та же размытая дождем дорога, тот же холодный сырой воздух, то же озеро мелькнуло за пригорком. Все то же самое... Только ворота в лесную школу были закрыты. Прошла мимо них, нашла лазейку в заборе. Подошла к школьному крыльцу... Странно, и двери закрыты. И нет никого. Не слышно голосов ребят. И двор чисто убран, будто никакого ремонта и не было.

Подошла к дверям, начала изо всех сил стучать по ним костяшками пальцев, потом кулаками... И услышала голос сзади:

– Чего хулиганишь, девушка? Не видишь, закрыто?

Повернулась... И не сразу узнала, кто с ней говорит. Потом вспомнила – это же сторож, Иван Иванович...

– Здравствуйте... А где ребята, не знаете? – спросила, почти задыхаясь.

– Так нет никого... Вчера вечером еще уехали...

– Как – уехали?!

– А что им здесь делать? Закончили ремонт и уехали. Аккурат к первому сентября, как обещали. Вчера и директор школьный приезжал, все одобрил, все бумаги подписал... Должно быть, и расчет вчера получили. А ты стучишь, пугаешь меня, проказница! И лицо мне твое знакомое... Уж не дочка ли ты Егора Андреича, случаем?

– Да... Дочка...

– Ишь, какая складная вымахала! Красавица! Что ж, уехали твои женихи... Закончили работу да уехали... И ты иди домой, не огорчайся шибко. На что они тебе сдались, городские? У нас в поселке и своих женихов хватает...

Сторож Иван Иванович еще что-то говорил ей вслед – она уже не слышала. Шла по скользкой дороге домой, как сомнамбула. Два раза чуть не упала – чудом устояла на месте. Но лучше бы упала... И не вставала бы, так бы и осталась лежать на дороге, в грязи... И жить бы не стала больше... А зачем? А главное – как жить?

Вернувшаяся вечером с работы мама глянула на нее, испугалась, прижав руку к груди:

– Да что с тобой, Настена? На тебе ж лица нет, глаза совсем провалились... Что случилось, скажи?

– Ничего... Ничего не случилось... – только и смогла проговорить тихо и тут же заплакала, не удержалась.

Мама подошла, молча обняла ее за плечи, прижала к себе. Так крепко прижала – не шевельнуться. И шло от мамы такое тепло, такая сила... И говорила она так ласково и немного насмешливо...

– Кажется, я понимаю, что случилось, доченька... Кавалер твой так и не вернулся, да? Ремонт в лесной школе закончили, бригада уехала... Ну и бог с ним, и перестань... И хорошо, что не вернулся, забудешь быстрее...

– Он... Он все равно вернется, мам... Он должен...

– Да брось, доченька. Не жди. Чего ж ты так сильно влюбилась-то, глупенькая! Он же городской, у него свои дела в городе... Тем более первое сентября уже послезавтра! Поди, он тоже к учебе готовится! Не плачь, доченька, не плачь... Плюнь и забудь... И не жди понапрасну... Тебе ведь тоже не до любви скоро будет! Занятия в школе начнутся! Давай-ка мы лучше завтра в город поедем да обновок тебе к первому сентября всяких накупим... И всего, чего там в школу надо... Вот ты и отвлечешься обновками-то! Знаешь, какое самое хорошее лекарство при женском огорчении? Это покупка новых тряпочек! Я как провизор тебе говорю – лучше лекарства нету! Вот и будем тебя завтра лечить... Не плачь, не плачь! Утри слезы, влюбчивая ты моя! То ли еще в жизни

будет, на все про все и слез не напасешься...

Потом, когда она уже спать собиралась, в дверь комнаты тихо постучал отец. Вошел, глянул на нее настороженно:

– Не спишь еще? Я на минутку...

– Да, пап, входи.

– Ну вот... Опять у тебя лицо насквозь проплаканное. Будет тебе, доченька, будет... Ну, уехал и уехал, подумаешь...

– Да, уехал. Но он вернется, пап. Я знаю, что он вернется.

– А ты бы не ждала, доченька, мама права. Ждать да догонять – самое неблагоприятное дело. И знаешь, что я тебе хочу сказать... Это ведь у всех так получается, что первая любовь всегда печальной выходит... Оттого потом всю жизнь и поминаешь ее с болью в сердце. Надо смириться, дочка. Не горюй и не жди. Вчерашний день не догонишь...

– Он вернется, пап. Он должен вернуться.

– Ну, заладила... А я вот хотел тебе про свою первую любовь рассказать... Тоже ведь мучился, тоже ждал, что вернется... Так и не дождался.

– А я дождусь! Потому что я знаю... Я верю... Он любит меня... Он обязательно должен вернуться, пап! Иначе...

– Что иначе, Настена? Почему ты замолчала?

– Ничего, пап. Все хорошо. Иди, я спать буду ложиться.

– Что ж... Спокойной ночи, доченька.

– Спокойной ночи, пап!

– ...Да ты что, Настька, не понимаешь? Он же сбежал! Он же просто кинул тебя, Настька! Это ж ясно как божий день!

Оля смотрела на нее, выпучив глаза от ужаса. Она ничего не могла ей ответить – каждое слово любимой подруги било наотмашь, отдавалось болью где-то внутри. Даже вдохнуть воздуха трудно было, не то что ответить...

– Ну что ты молчишь, Настька?! Не молчи, скажи что-нибудь! Ну?!

– Я... Я не знаю, что сказать, Оль... Я просто не верю, и все...

– Чему ты не веришь? Что он сбежал? Что бросил тебя?

– Но он не мог, Настя, не мог... Он же сказал, чтобы я не волновалась, что он все решит...

– Ох... – только и могла всплеснуть руками Оля. – Ну и дура ты, Настька... Наивная дура... Тебе что, пятнадцать лет, что ли? Тебе же почти семнадцать, голова по-другому должна соображать! Ой, да сейчас и пятнадцатилетней девчонке трудно такую лапшу на уши навесить, о чем я говорю! Ну как ты не понимаешь, Настька, как ты не понимаешь...

– Я все понимаю, Оль. Но ты же не знаешь Никиту... Ты же не можешь судить...

– Да я и не сужу. И незачем мне знать твоего Никиту, чтобы правильные выводы сделать из его поведения.

– Оль, но у него же мама заболела! Он вынужден был уехать, понимаешь?

– Да? А почему тогда не позвонил ни разу, как уехал?

– Да он телефон уронил в бетономешалку...

– Насть... Ты что, совсем ничего не замечаешь, да? Ага, телефон в бетономешалку... Смешно...

– Но мне Боб так сказал! Бригадир!

– А что еще тебе Боб сказал? Что Никита – внебрачный сын миллиардера и что приедет за тобой на белом лимузине? Неужели ты и впрямь ничего не понимаешь, Настька? Твой Никита договорился с этим Бобом, обсудил с ним всю эту лапшу, которую тебе повесили на уши, и сбежал в тот же час... И про больную маму договорились тебе навесить, и про телефон... А на самом деле он просто сменил симку, и все! И мама жива-здорова, и проблемы никакой нет! Тебя просто устранили, как большую проблему, Насть... Неужели ты сама не понимаешь?

– Оль, не надо... Не надо, прошу тебя... Мне так больно все это слушать, Оль...

– Да я понимаю, что больно. Правда, она всегда больно воспринимается. Ладно, не буду больше... Давай лучше подумаем, что делать теперь... Надо родителям сказать, Настька.

– Родителям?! Да ты что? Нет, только не это... Я представляю мамину реакцию, ты что...

– Ну да, это ж понятно... Реакция будет соответствующая.

Но все равно ведь она когда-нибудь будет, если станешь молчать... Все ведь наружу вылезет... Лучше сейчас сказать, Настька! У мамы связи есть, она тебя в город в больницу ответит...

– Я не смогу сказать, Оль. Я не смогу. Я боюсь.

– Ну давай я скажу, что ли?

– Нет, нет... Я лучше сама... Только не сейчас. Потом, чуть позже... Сейчас мне просто смелости не достанет. У меня внутри все дрожит от страха, Оль. Даже соображать не могу. Нет, я понимаю, что все это неправильно, что я ужасно себя глупо веду, но... Не могу я маме сказать, не могу! Поверь мне, Оль!

Оля вздохнула, посмотрела на нее с сочувствием. Но что-то еще было в этом сочувствии, что-то похожее на легкое презрение... Так смотрит сильный на слабого, попавшего в беду. Сильный, который знает, что сам никогда в такую беду не попадет. Потому что умный, потому что сто раз подумает наперед и спланирует эту беду, как счастье. Разумное счастье...

– Эх, Настька, Настька... Мы же с тобой поступать вместе хотели, в медицинский... А теперь что? Сама себе жизнь портишь, да? Жизнь матери-одиночки выбираешь? Оно тебе надо, Насть? Не поздно ведь еще... Иди сдавайся родителям, Насть! Пересиль себя, ты можешь!

– Да, Оль, все ты правильно говоришь. Я понимаю. Но... Я поверить не могу, что Никита... Что он меня бросил... Он

не мог, Оля, не мог! Он же любит меня, я знаю...

– Ну, заладила! Может, и любит, разве я спорю? Да только любовь и рождение ребенка в данном конкретном случае не совмещаются, понимаешь? По крайней мере, для твоего Никиты...

– Но почему тогда он мне сразу этого не сказал? Что они не совмещаются? Он сказал, что с мамой поговорит... Что сам все решит...

– Да что он решит, Насть? Он же студент! Я так понимаю, что он пока и сам сидит на маминой шее? Что он может решить вообще? Для него это самый приемлемый вариант – просто сбежать... А тебя он с толку сбил, наговорил всякого, чтобы сбежать не мешала.

– Оль, ну ты же не знаешь ничего... И Никиту не знаешь... Почему ты так уверенно о нем говоришь?

– Да потому! Мне и знать твоего Никиту не надо, и так все ясно! Я ж в него не влюбленная, голова у меня на месте, слава богу! Ну вот скажи мне, к примеру... Он тебя просил родителям ничего не говорить? Просил?

– Ну да... Сказал, пока ничего не говори...

– Вот видишь! Ему просто надо было время выиграть, Настька! И наверняка он с этим Бобом все обсудил! Да и не только с Бобом, а со всей бригадой! Так и получилось, как они спланировали! Решили спасти его, дурака, потому что вляпался в историю с несовершеннолетней! Они ж прекрасно понимают, чем эта история пахнет... Ты пришла, а

вся бригада – тью-тью! Уехали, не простившись! И чего теперь ждать? Ведь все ясно как божий день! Все я тебе по полочкам разложила!

– Да, Оль. Наверное, ты права. Но мне от этого не легче, Оль. Потому что... Потому что нельзя жить, если... Если тебя так обманывают...

– Ага, давай! Давай еще и руки на себя наложи! Пойди на станцию, под поезд упади, как Анна Каренина! Все проблемы одним махом решишь, и родителям ничего говорить не надо будет!

– Оль, ну зачем ты так... Ты ж моя подруга, Оль...

– А как еще, Настя?! Как с тобой говорить, если ты такая... наивно непробиваемая? Не я ж виновата, что тебя как нежную орхидею в семье растили, пылинки с тебя сдували... Ах, наша Настенька, ах, наш аленький цветочек! Жаворонок наш певучий, нежная душенька! Я, Насть, по-другому росла, сама знаешь. Я как чертополох, я нежностей не признаю и не понимаю. Мне вон мамке помогать надо, ребят растить, в огороде спину гнуть, чтоб зимой с голоду не загнуться! Да что я рассказываю, ты все равно не поймешь со своей колокольни...

Оля махнула рукой, отвернулась в сторону. Настя проговорила тихо:

– Да я все понимаю, Оль... Ты молодец, ты сильная и крепкая... А я другая, да... Но ведь я не виновата, что именно так все сложилось...

– Конечно, не виновата. Никто не виноват. Ты вон с мамой вчера в город поехала, нарядов накупила, во всем новом в школу пойдешь... А я, пока ты в город ездила, за швейной машинкой сидела, мамкино платье на себя перешивала. А что там было перешивать, что? Коряво получилось, конечно. Но я в этом платье все равно первого сентября пойду, и наплевать, что обо мне подумают... Потому что я чертополох, меня голыми руками не схватишь. А вот тебя схватишь, да, Настька! Схватишь, изомнешь, используешь и выбросишь! Потому что ты у нас аленький цветочек! Постоял какое-то время в красивой вазе, потом увял... Это я к чему тебе все говорю, Настька? Хватит быть аленьким цветочком, возьми свою жизнь в свои руки! Скажи матери, сделай аборт, отряхнись и живи дальше, в институт поступай... А любовью этих у тебя знаешь еще сколько будет? Считать замучаешься, при твоей-то внешности!

– Не будет, Оль. Я знаю, не будет. Я Никиту люблю. Это навсегда...

– Ох, ну вот как с тобой еще говорить, а? Хоть в лоб, хоть по лбу!

– И не надо больше, Оль, не говори ничего. Ты хорошая подруга, я тебя очень люблю, но не надо... Не говори ничего больше...

– Ладно. Не буду. Поступай дальше сама как знаешь. Жди своего Никиту, когда он за тобой вернется. Если сама мне предложила руки умыть, то что ж...

Оля замолчала, отвела глаза в сторону. Потом вздохнула, решительно поднялась с дивана, где они обе сидели, пождав под себя ноги.

– Ладно, Насть, иди домой... У меня еще дел по горло. Надо ребят на первое сентября собрать, надо ужин готовить... И мамка скоро с работы придет...

– Ты обиделась на меня, Оль?

– Да с чего бы мне обижаться? Это ведь у тебя проблемы, не у меня... Я просто пыталась тебе помочь как могла. И если ты решила по-своему... То что ж, флаг тебе в руки...

– Я еще ничего не решила, Оль. Я просто в растерянности. И мне страшно... Но, наверное, ты права, надо маме сказать. Набраться смелости и сказать...

– Так иди и скажи! Прямо сейчас скажи!

– Да. Да... Прямо сейчас пойду и скажу...

Настя поднялась следом за Олей с дивана, решительно направилась к выходу. И всю дорогу до дома несла в себе эту решительность, боясь расплескаться.

Открыла калитку, вдохнула-выдохнула, вошла в дом...

Родители сидели за кухонным столом, ссорились. Подняли к ней разгоряченные лица, будто и не заметили, что она собирается им что-то сказать.

Наверное, и впрямь не заметили. Не поняли. Не до того было. Мама проговорила напористо, поведя головой в сторону отца:

– Нет, ты представляешь, Насть, что твой папочка удумал?

Ему предложили место начальника участка в леспромхозе, а он отказался! И со мной не посоветовался, отказался, и все! Представляешь?

– Ирина, прекрати... Ну зачем ты... Да, я так решил, это мое дело! Не хочу начальником быть, пусть и мало-мальским... Не хочу, и все! Не мое это, понимаешь?

– Ну да, конечно... Я не хочу, я не буду... Только о себе и думаешь, эгоист несчастный! У тебя ведь семьи нет, один живешь, тебе дочь в институте учить не надо! И лишняя копейка в доме тебе не нужна! Сам себе принадлежишь, и только!

– Да, Ирин. Сам себе принадлежу. Имею право выбора. Не хочу, и все.

– А чего ты хочешь, скажи? Ни за что не отвечать, всю жизнь ходить и в небо глядеть? А что дочь в институте учить надо, тебя и впрямь не заботит?

– Отчего ж не заботит? Заботит... Поступит и будет учиться, что ж...

– А деньги? Лишние деньги нам помехой будут, по-твоему? Ты знаешь, сколько за учебу платить придется, если она на бюджетное место не поступит? Ты что ей – не отец, а чужой дядя? Не хочешь будущего для своей дочери?

– Да не такая уж там и большая прибавка к зарплате, Ирин... И потом, я и без этого хорошо зарабатываю, нам хватает.

– Тебе хватает, а мне не хватает! И дочери твоей не хва-

тает!

– Ну пойми, не могу я выше своей головы прыгать... Я по природе своей не начальник, не умею я... Вот ты умеешь, а я не умею!

– А что ты умеешь, что?

– Просто работать, просто жить умею...

– Вот именно – просто жить! Отработал с девяти до шести и свободен, да? Можно в небо глядеть и созерцать движение облаков, слушать, как ветер шумит в кронах деревьев? Да всяк бы знал так-то жить, но только не у всякого совести хватает! Потому что у тебя еще и родительские обязанности есть, между прочим! Или ты хочешь, чтобы твоя дочь тоже одним созерцанием жила да в небо глядела? Это же ты ей все время повторяешь, что она жаворонок, что к солнцу летит! Лучше бы денег в дом больше приносил, чем всякие глупости ребенку в голову втемяшивать! Сам подумай, чему ты ее учишь? Какой она тебе жаворонок?

– Да пусть будет жаворонок... Что в этом плохого, не понимаю...

– А то! На землю глядеть надо, вот что! Потому что на небе хлеб не растет! Чтобы завтра пошел к начальству и сказал, что передумал, слышишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.